

впитывали ветхозаветную историю и первоначально осознали христианское учение сквозь призму идей Ветхого Завета. Тем более, что эти идеи оказались значительно ближе древнерусскому религиозному сознанию, все еще продолжавшему выражать себя в чувственно-конкретной форме, чем новозаветная религия, категорически отрицавшая как рационалистический, так и эмпирический аспекты восприятия веры. Но если к Богу Ветхого Завета русичи относились интимно-доверительно (почти как к родным языческим богам), то новозаветная Троица осознавалась ими все же как кульминация Священной истории человечества, а Заповеди Христа устремляли разум к постижению высших религиозных истин. Таким образом, Ветхий Завет был более осязаем и доступен, а Новый - более сакрален и идеален.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. - Пг., 1916.
2. "Слово о казнях божиих"// Повесть временных лет. - М.-Л., 1950. - Ч.1.
3. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI-XIV вв. - М., 1960.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. - М., 1992.

ОТЦЫ ЦЕРКВИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Наумова Н.В.

Духовный мир средневековой Руси может быть представлен по произведениям наиболее характерных, ярких и наиболее почитаемых авторов. Среди них, несомненно, такие как Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Исаак Сириянин, Василий Великий. Первое место по популярности на Руси во все времена занимает Иоанн Златоуст. Его Слова, т.е. отдельные небольшие произведения на ту или иную тему, составлялись в специальные сборники или хрестоматии Златоустов, Златоуст, Маргарит, причем иногда именем Златоуста подписывались не принадлежащие ему произведения. Популярен он и в сборниках смешанных, составленных из произведений разных авторов, в основном отцов церкви "Измарагд", "Златая цепь". Имя Златоуста стало синонимом всякой "книжной сладости". Чем же так полюбился Златоуст на Руси?

Во всем многообразии аспектов анализа наследия Иоанна Златоуста предметом нашего внимания будет мир жизненно важных ценностей, которые исповедует и предлагает читателям

отец церкви. Иоанн Златоуст обладал даром слова, слова живого, яркого, точного, сладостного, истинно изливающегося из золотых уст. Об этом говорят особенно первые фразы почти любого его слова или поучения. Вот как начинается, например, Слово "О Лазаре", где он с первых строк сурово осуждает тех, кто предавались языческим новогодним безумствам и хвалит тех, кто сделал из новолетия день духовных радостей. "Вчерашний день, бывший сатанинским праздником, вы сделали праздником духовным, приняв слова мои с великою благосклонностью, и большую часть дня проведши здесь, насладившись питием, исполненным любомудрия, и ликовавши вместе с Павлом. Таким образом, вы получили двойную пользу: уклонились от безчинной пляски пьянствующих, и предавались восторгам духовным, совершающимся с великою благопристойностью; пили из чаши, не вино изливающей, но исполненной духовного учения, и сделали свирелью и кифарою для Святого Духа; тогда как другие ликовали в честь дьявола, вы, соделав себя чрез пребывание здесь органами и сосудами духовными, предоставили Духу коснуться ваших душ и вдохнуть благодать Свою в ваши сердца; от того вы и возгласили стройную песнь, услаждающую не только людей, но и горние силы" (1,778).

А вот как начинается Слово "К Феодору падшему", одному из товарищей по монашеской жизни, покинувшего монастырь ради красавицы Гермоны. "Кто даст главе моей воду и очам моим источник слез (Иер. 9,1), благовременно сказать теперь и мне, и гораздо более, нежели тогда пророку; потому что я намерен оплакивать хотя не множество городов и не целые народы, но душу, которая стоит, а лучше сказать - и дороже множества народов. Если даже один исполняющий волю Божию лучше тысяч беззаконников, то, конечно, и ты прежде был лучше тысяч иудейских. Посему никто не станет теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнее сетования, нежели какие изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушение города и не пленение беззаконных мужей, но опустошение священной души и разрушение и истребление христоносного храма... Поистине, это несчастье во столько крат горестнее того, во сколько крат драгоценнее те символы, которые хранились в душе твоей." (2,1)

Большинство его сочинений - это проповеди, которые были записаны скорописцами в главном Антиохийском храме, куда стекались толпы народа. Эти образцы ораторского искусства ныне мало известны, но заслуживают внимания и изучения, поскольку умеют захватить внимание слушателя и читателя с

первых слов. А каким богатством символического языка, какой глубиной содержания отличается, например, описание Златоустом падения Феодора. Храм души Феодора блистал не золотом и серебром, а благодатию Духа, а вместо ковчега и херувимов в нем обитал Христос. После падения Феодора храм души его пуст и лишен прежней красоты и благолепия, потерял "божественное и несказанное украшение", лишился всякой безопасности и охраны, "нет у него ни двери, ни запора, и он открыт для всех душепагубных и постыдных помыслов" (2, 2). И все самые гнусные помыслы "устремятся войти в него, - никто не помешает этому". Но Златоуст верит, что не надо отчаиваться и впадать в уныние, и Бог может возвести тебя в прежнюю свободу и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Далее Златоуст говорит о надежде как цепи, привязывающей нас к небу, покаянии как всеочищающей силе, суетности благ мира сего.

Написал И. Златоуст три Слова "В защиту монашества", ибо много было враждовавших против монастырей. Здесь отшельничество рекомендуется как лучшее средство сохранения индивидуальной свободы мысли и чувства от деспотизма общественных нравов. Он советует отдавать сыновей с монастырь хотя бы на время, в уединении лучше складывается характер и достигается нравственная зрелость. В своих словах и поучениях Златоуст призывает прославляться более добродетелью, чем богатством, истинно богат тот, кто презирает все земные блага, тому, кто ничего не имеет, нельзя навредить, а кто пренебрегает всем земным, тот легче утешается в лишениях, раздающий деньги более истинный владетель их, чем тот, кто копит их, повелевающий собственными страстями является более царем, чем повелевающий народом и войском. Одной из главных тем в творчестве Златоуста является тем богатства и бедности. "Любовь к богатству есть неестественная страсть". Любое богатство опасно прежде всего для владеющего им, ибо он начинает дорожить этой мнимой ценностью. Богатство опасно не само по себе, а как пример, повод дорожить тленным и мнимым. Оно "делает нас пленниками бездушного имения, удаляет нас от служения Богу". Надо презирать богатство, исповедывать евангельскую заповедь: раздай нищим, "а главное - последовать за Христом" - так поучает свою паству отец церкви.

У Златоуста есть и такой великолепный образ: Христос, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а люди, вместо того, чтобы принять его, украшают пол, стены, верхи столбов, привязывают к лошадям серебряные цепи. А на Христа,

связанного в темнице, и взглянуть не хотят.

Устами Златоуста поддерживался и излюбленный нашим народом идеал равенства. Все принадлежит Богу, а что принадлежит Владыке - то принадлежит всем. Как воздух, солнце, вода, также города, площади, улицы принадлежат всем. Для людей предназначено, по мнению Златоуста, скорее общее, чем отдельное владение вещами и оно более согласно с природой.

И. Златоуст - это учитель нравственности, а его проповеди - это популярная энциклопедия христианского нравоучения. Его изложение догматического учения церкви и полемика против еретиков уступает другим церковным учителям. В Слове "Против аномеев" он пишет, что в разумении о божественных предметах нужно руководствоваться не разумом, а верой. Бог непостижим, он непостижим даже для херувимов и серафимов, человеку же неподвластно даже существование ангелов. "Есть ангелы и архангелы, престолы и господства, начала и власти; но не одни эти сонмы существуют на небесах, а бесконечные полчища и неисчислимые племена, которых не может изобразить никакое слово"(1,525). И даже все эти силы не имеют точного понятия о Боге. "Бог есть существо простое, не сложное и не имеющее образа"(1,527). Не только существо ангелов, но даже существо нашей души непостижимо для нас.

Богословские рассуждения Златоуста менее ярки, глубоки и оригинальны, не столь насыщены философским содержанием и несколько простоваты.

Итак, анализ наследия самого читаемого и наиболее любимого на Руси отца церкви Иоанна Златоуста уже дает некоторые представления как о понимании христианства на Руси, так и о той духовной атмосфере, которую оформляло и репрезентовало его творчество. Причем приоритет нравственно-поучительных рассуждений над богословскими изысками ощущался на Руси во все века. Христианство на Руси более воспринималось как нравственное учение, как стремление построить духовную жизнь по заветам Христа, как поиск жизненной правды в осуждении материального стяжания и грезы о равенстве всех перед Богом, непостижимом в своем величии.

Еще одним наставником в христианской вере, несомненно, был Иоанн Лествичник. Первый перевод его "Лествицы райской" был сделан в Болгарии в X веке и был известен в Киевской Руси. о популярности Лествичника в средневековой Руси говорит хотя бы то, что сохранилось более ста списков этого произведения датируемых XII-XV веками, причем пик популярности приходится на XIV-XV века (в связи с особым интересом к

монашеско-аскетическим сочинениям вообще. Однако влияние Лествичника расширяется далее пределов монашеской среды. Извлечения из Лествицы, хотя и не подписанные именем Иоанна, содержатся в "Изборнике 1076 года", а о его близости духу в восприятии христианских истин говорит хотя бы и то, что Лествица была любимой книгой Н.В.Гоголя, с которой он не расставался.

Иоанн Лествичник или Синайский 16 лет от роду пришел в Синайский монастырь и стал послушником аввы Мартирия, в 20 лет был пострижен в монахи. 19 лет спустя после смерти Аввы Мартирия Иоанн выбрал уединенное место у подножия Синайской горы и 40 лет прожил отшельником. В 75 лет он был избран игуменом Синайского монастыря, но вскоре оставил его, вернулся к уединенной жизни и спустя недолгое время скончался. Еще в юности было предсказано, что он будет "великой звездой вселенной". Живя в уединении, в "безмолвии" днем он молился и возделывал огород, вечером читал и записывал чужие мысли и свои. По просьбе игумена Раифского монастыря он собрал свои записи о духовной жизни в книгу, причем по заказу попытался представить их в виде "лестницы даже до враг небесных". Однако 30 степеней, 30 глав книги (по числу лет жизни Иисуса до крещения и начала проповеди) не являются строгой схемой восхождения по ступеням духовного взросления. Это описание монашеского пути, пути непрерывного и трудного восхождения по лестнице духовного самосовершенствования, возводящего подвижника на небо. "Ибо Иоанн приблизился к таинственной горе, вшедши во мрак, куда не входят непосвященные; и возводимый по духовным степеням, принял богоначертанное законоположение и видение" (3, 214).

"Лествица" или "скрижали духовные" показывает некий путь христианского самосовершенствования. по своему содержанию она может быть разделена на две части. В первой, состоящей из 23 глав, говорится о грехах, пороках, противных христианской жизни. Вторая - заключительная часть (глава 24-30) посвящена добродетелям. Хотя это путь монашеского подвига в нем нет особых аскетических крайностей. Первое Слово посвящено отречению от мира. "Все, охотно оставившие мирскую жизнь, с сз сомнения, сделали сие или ради будущего царствия, или по причине множества грехов своих, или из любви к Богу. Если же не предшествовала у них ни одна из означенных целей, то удаление их от мира неразумно" (3, 1,5). Приступающий же к сему подвигу должен всего отречься и начать с трех оснований: незлобия, поста и целомудрия (3,1, 10). Для живущих же в миру Иоанн дает такую заповедь: "Что только можете делать доброго,

делайте; никого не злословьте; ни у кого не крадите; ни на кого не лгите; ни перед кем не возносите, ни к кому не имеете ненависти; не уклоняйтесь от церковных собраний; будьте сострадательны к нуждающимся, никого не соблазняйте, к чужой доле не приближайтесь, и будьте довольны obroками жен ваших. Если так станете поступать, то не далеко будете от Царства Небесного" (3, I, 21). Слово второе посвящено беспристрастию. "Когда обижают - великодушно терпеть; когда оговаривают - не сердиться; когда уничижают - не гневаться; когда осуждают смиряться" (3, II, 8). Последующие Слова говорят о послушании, покаянии, памятовании смерти, негневливости и кротости. Слово девятое посвящено недопустимости памятозлобия, которое есть "исполнение гнева, страж грехов, ненависть к правде, пагуба добродетелей, яд в душе, червь в уме, посрамление молитвы, пресечение молитвенных прошений, отчуждение любви, вонзенный в душу гвоздь" (3, IX, 2). Далее отдельные Слова осуждают злоречие, многоглаголанье, ложь, уныние, леность, ублажение чрева сребролюбие, тщеславие. Слово 23 осуждает грех гордыни: "Гордыня есть отречение от Бога, демонское изобретение, уничтожение человек, мать осуждения, исчадие похвал, признак бесплодия, укрывательство от Божией помощи, предшественница умоисступления, предуготовительница падений, причина падучей болезни, источник раздражительности, дверь лицемерия, опора демонов, охранительница грехов, предуготовительница немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противник Богу, корень хулы" (3, XXIII, 1). Каждое Слово заканчивается неким подведением итогов, например, 16 Слово заканчивается так: "Вот шестнадцатая брань. Кто одержал в ней победу, тот или приобрел любовь, или положил конец попечениям" (3, XVI, 10) или "Вот пятнадцатая победная награда. Кто принял ее, живя еще во плоти, тот умер и воскрес, и здесь уже узнал начаток будущего нетления" (3, XV, 86) - так заканчивается Слово о целомудрии.

Таковы, по мнению отца церкви Иоанна Синайского основные пороки, страсти, грехи, которые следует укрощать истинному христианину. Восходя по ступеням усмирения страстей христианин идет по лестнице самосовершенствования и приобретает добродетели. "Вещество страстей истребляется, искореняемое и пожигаемое в душе Божественным огнем. А по мере того, как вещество искореняется, и душа очищается, отходят и страсти, если человек сам не привлечет их опять веществолюбивым житием и леностью" (3, XXVI, 63). Среди

добродетелей 24 Слово отмечает следующие: кротость, простота и незлобие и заключает: "Кто на сей степени одержал победу, - да дерзает; ибо он, сделавшись подражателем Христу, обрел спасение" (3, XXIV, 34). Слово 25 называется так: "О гибели для страстей, высочайшем смиренномудрии, которое заключается в невидимом чувстве". Добродетель смиренномудрия как и другие обретения высших ступеней трудно поддаются описанию и разъяснению для не испытавших их. Эти высшие состояния души не поддаются выражению обычными словами, а изведываются опытом, это все равно, что дать понятие о сладости меда тем, которые никогда его не вкушали, ибо невозможно "узреть солнце тому, кто прежде не просветится оным светом, как показывает самое свойство сих добродетелей" (3, XXIV, 1). Так Иоанн не берется однозначно толковать смиренномудрие. Он рассказывает, что "водимые Духом Божиим", неся с собою в мысленных руках "богописанные скрижали ведения" доискивались смысла и говорили по разному. Один сказал, что смиренномудрие есть постоянное забвение о своих добрых делах. Другие давали иные определения. Иоанн же уподобил себя псу, собравшему крупичицы с трапезы и определил так: "Смиренномудрие есть не имеющая имени благодать в душе, теми только именуемая, которые извели ее опытом. Это неизреченное богатство, Божие именование и подавание; ибо сказано: Научитесь не от Ангела, не от человека, не от книги, но от Мене, то есть из Моего в вас пребывания, озарения и действия, яко кроток есмь и смирен сердцем, и помыслом, и образом мыслей, и обрящете покой от браней и облегчение от помыслов душам вашим (Мф 11, 29) (3, XXV, 3). 27 Слово "О священном безмолвии тела и души" говорит "Безмолвие тела есть познание и приведение в порядок внутренних движений и чувств, безмолвие души есть познание помыслов и нерасхищаемая мысль" (3, XXVII, 2). "Келия безмолвника - пределы тела, а внутри ее хранина ведения" (3, XXVII, 12). Слово 28 посвящено молитве: "Молитва, по качеству своему, есть обращение и единение человека с Богом" (3, XXVIII, 1). "Прибери все мужество, и Бог будет наставником твоим в молитве. Как невозможно зрению научиться по слову, потому что зрение зависит от природы, так познать доброту молитвы по наставлению другого, потому что сама в себе имеет наставником Бога, который научает человека ведению, дает молитву молящемуся и благословляет лета праведных" (3, XXVIII, 64). В 29 Слове говорится о том, что возможно воскресение души прежде общего воскресения, о всецелом пребывании и соединении с Богом, о небе на земле, когда

достигается богоподобное беспристрастие, священное безмолвие и душа наполняется добродетелями. Однако здесь уже на самых высотах лестницы Иоанн немногословен и лишь ограничивается намеками, не раскрывая сакральных, эзотерических знаний, не говоря широкому кругу читателей, на которых рассчитана книга, что значит познание Бога, приближенное к ангельскому, что значит "ведение" и что значат вскользь оброненные слова "всецело пребываю, и всегда буду соединен с Богом" (3,XXIX,10). Эти слова лишь вскользь обронены отцом церкви, аскетом, посвятившем всю свою жизнь познанию богооткровенных истин. Эти истины даются лишь в опыте общения с Богом и не могут быть переданы немощным человеческим языком.

Завершающее тридцатое Слово можно воспринимать и как завещание и как пожелание обретения трех главнейших добродетелей - это веры, надежды и любви и прежде всего любви, ибо "Бог есть любовь" (Ин 4,8). Но тут же Иоанн уточняет: "Но кто намеревается изречь определение существа Божия, тот, ничего не видя, меряет песок в бездне" (3,XXX,6). Тем не менее уподобиться Богу насколько возможно это смертным можно любовью "Любовь - снабдительница пророчественного дара; любовь подательница чудес; любовь - бездна озарения; любовь огненный источник... Любовь - ангельское состояние; любовь вечное преспеяние" (3,XXX,35).

Путь по лестнице духовного самосовершенствования - это путь укрощения страстей. Обретение бесстрастия можно определить и как обретение священного безмолвия и как устремление и самоотдание Богу. Кто постиг безмолвие, тот узнал глубину таинств. Бесстрастие и любовь - это разные имена единого совершенства. Любовь есть и путь и цель. И в любви есть ступени и даже ангелам слово о любви дается "по мере действующего в них озарения" (3,XXX,5). Любовь к Богу ведет человека в небесные чертоги, но и сам Бог есть любовь, и открывается он по мере любви к нему.

Вся жизнь Иоанна была непрестанной молитвой и пламенной любовью к Богу, и потому игумен Раифского монастыря просил Иоанна как "главу добродетелей" преподать то, что он "видел в Боговидении, как древний Моисей, и на той же горе". В обычно прилагаемом к Лестнице Жития Иоанна говорится, что "сей вещественный достиг невещественных сил и совокупился с ними". Однако ни сама Лестница, ни Житие, ни ответ Иоанна игумену Раифскому не содержат ни нотки горделивого познания, превознесения каким-то особым видением. Это истинный пример слияния поучения с собственным образом жизни, Иоанн учил

лишь тому, что постиг сам своим трудом и всей своей жизнью. В нем нет кичливости своим подвигом аскетической жизни, а Житие подчеркивает, что Иоанн ел все "роды пищи", разрешаемые иноческому званию, чтобы не кичиться своим особым аскетизмом. И сама Лествица хотя и писалась как наставление монашествующим не призывает к крайностям аскезы и не упорствует в том, что только такой путь ведет к спасению. Поэтому Лествица была популярна на Руси как руководство в духовном самосовершенствовании. Ведь слова Иоанна о покаянии, негневливости, злоречии, унынии, нестяжательстве, гордыне служили руководством в христианской жизни с древнейших времен.

Язык Лествицы прост, незатейлив, красив и сочен, примеры ярки и образны, изложение подкупает искренностью и смиренномудрием, а богоустремленность сочетается с пониманием и знанием человеческих страстей и греховных помыслов. Вместе с тем здесь опять же как и у Златоуста нет полета абстрактных богословско-философских рассуждений, нет теоретических построений, а есть практические советы нравственного характера. Это слова и наставления не о том как рассуждать о мире и жизни, а как жить. Практические наставления в христианской жизни ценились на Руси более богословских построений и, несомненно, находило отклик такое утверждение Лествичника: "Непорочность делает ученика богословом, и он сам собою постигает догмат о Троице" (3,XXX,24).

Таким образом Иоанн Златоуст и Иоанн Лествичник помогают представить круг духовных поисков человека средневековой Руси. И мы видим, что это извечный поиск праведной жизни, путь духовного стяжания, ориентация на высокие нравственные идеалы внутреннего делания, укрощение "кичливости философии" не совместимой со смирением и стремление к "небесной простоте". Это путь к Богу не через какие-либо внешние формы проявления, а через преобразование самого себя по образу и подобию Божию, не через рассудочное рациональное постижение мира, а через самоочищение, самосовершенствование, через внутреннее устремление к единению с Богом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иоанн Златоуст. Творения. - Т.1, Ч.2. - СПб., 1898.
2. Иоанн Златоуст. Творения. - Т.1, Ч.1. - СПб., 1898.
3. Иоанн Лествичник. Лествица. - М., 1991.